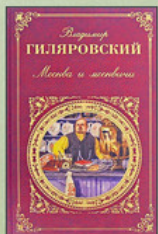

Владимир Гиляровский

Театральная публика

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Владимир Алексеевич Гиляровский
Театральная публика
Серия «Люди театра»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172969

Москва и москвичи: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-11515-0

Аннотация

«Каждый московский театр имел свою публику. Самая требовательная и строгая публика была в Малом театре. На первых представлениях всегда бывали одни и те же строгие, истинные любители искусства. Люди, повидавшие все лучшее за границей, они в состоянии были заплатить огромные деньги барышникам или при помощи связей и знакомств получить билеты из кассы...»

Владимир Гиляровский

Театральная публика

Каждый московский театр имел свою публику. Самая требовательная и строгая публика была в Малом театре. На первых представлениях всегда бывали одни и те же строгие, истинные любители искусства. Люди, повидавшие все лучшее за границей, они в состоянии были заплатить огромные деньги барышникам или при помощи связей и знакомств получить билеты из кассы.

И рецензенты тогда были строгие и важные. Они занимали места от второго до четвертого ряда: у каждой газеты свое кресло.

Важно и торжественно входили они в зрительный зал, когда уже вся публика сидела на своих местах. Как сейчас вижу: с биноклем, опершись на барьер, осматривает театр Н. П. Кичеев, стройный, вылощенный сотрудник «Новостей» Нотовича; рядом с ним, всегда неразлучно, А. Д. Курепин, фельетонист «Нового времени».

Вот идет на свое место небольшой, с палочкой, человек. Это – С. Ф. Флеров, самый серьезный из рецензентов, писавший в «Московских ведомостях» под псевдонимом С. Васильев; к его статьям, всегда руководящим, очень прислушивались актеры.

Быстро, почти ощупью, как-то боком пробегал, в сопро-

вождении капельдинера, седовласый С. А. Юрьев и сядил-ся рядом с таким же седовласым М. Н. Ремезовым – оба из «Русской мысли». Тут же сидел и А. П. Лукин из «Русских ведомостей», Вл. И. Немирович-Данченко из «Русского курьера» и Н. О. Ракшанин из «Московского листка».

Это были присяжные рецензенты – гроза артистов, всегда одинаковые и неизменные на премьерах всех театров.

На первых представлениях Малого театра, кроме настоящих театралов, бывало и именитое московское купечество; их семьи блистали бриллиантами в ложах бельэтажа и бенуара. Публика с оглядкой, купчески осторожная: как бы не заплодировать невпопад. Публика невыгодная для актеров и авторов.

В Большом театре на премьерах партер был занят барами, еще помнившими крепостное право, жалевшими прежнюю пору, брюзжащими на все настоящее и всем недовольными.

Зато верхи были шумливы и веселы. Истинные любители оперы, неудавшиеся певцы, студенты, ученики разных музыкально-вокальных школ, только что начавших появляться тогда в Москве, попадающие обыкновенно в театр по контрамаркам и по протекции капельдинеров.

...И шумит, и гудит, и не троньте его,
Яко наг, яко благ, яко нет ничего...

В верхних ложах публика «наплывная». Верхняя ложа

стоила пять рублей, и десяток приказчиков и конторщиков набивали ее «по полтине с носа» битком, стоя плотной стеной сзади сидящих дам, жующих яблоки и сосущих леденцы.

– И чего актеры поют, а не говорят, слов не разберешь! – жаловались посетители таких лож.

– Одна песня, а слов нет!

Ложи бенуара и бельэтажа сплошь занимались купечеством: публика Островского.

Иногда в арьерложе раздавался заглушенный выстрел; но публика не беспокоилась: все знали, что в верхней ложе жених из ножевой линии угощал невесту лимонадом.

Премьеры театра Корша переполнялись обыкновенно передовыми людьми: писатели, актеры и поклонники писателей и актеров, спортсмены, приезжие из провинции на бега, среднее купечество и их дамы – все люди, любящие вволю посмеяться или пустить слезу в «забирательной драме», лучшая публика для актера и автора. Аплодисменты вплоть до топания ногами и крики при вызовах «бис, бис» то и дело.

«Отколупнет ли крендель» Градов-Соколов, закатит ли глаза томная Рыбчинская, рявкнет ли Соловцов или, как в барабан, лупит себя по груди Рошин-Инсаров, улыбнется ли, рублем подарит наивная Мартынова – на все отзыв от всей души, с шумом и грохотом.

В антрактах купеческие сынки перед зеркалом в уборной репетируют жесты изящного Петипа.

Сам Федор Адамович Корш ныряет среди публики, улы-

бается и радуется полному сбору.

Как-то священник соседней с театром церкви пожаловался Коршу, что народ мало ходит в церковь. А Корш ему:

– Репертуарчик старенький у вас! У меня вот каждая пятница – новинка, и всегда полно...

Весел Корш, весела публика, веселы актеры, дебютантам – благодать: как ни играй, успех обязательно.

В театре Родона – оперетка... Своя там публика. Пожившая, износившаяся – старые развратники, наблюдающие обнаженные торсы и рассматривающие в бинокли, не лопнуло ли где-нибудь трико у артистки. Публика, воспитанная и «Саложках», кафешантанах и в театральных маскарадах.

Были еще два театра – «Немчиновка» и «Секретаревка». Там играли кружки любителей. Много из этих кружков вышло хороших актеров, театры эти сдавались внаймы на спектакль. И каждый кружок имел свою публику.

Один из моих друзей – репортер – прямо по нюху, закрыв глаза, при входе в зал угадывал, какой кружок играет: рыбники ли, мясники ли, овощники ли из Охотного ряда. Какой торговец устраивает, такая у него и публика: свой дух, запах, как у гоголевского Петрушки. Особенно рыбники.

Помню курьез. В числе любителей был в Москве известный гробовщик Котов. Недурно играл. Поставил он «Свадьбу Кречинского» и сам играл Кречинского. Зал бушевал, аплодируя после первого акта, ведь после каждого спектакля Котов угощал публику ужином – люди все были свои.

Наконец, второй акт. Вдруг неожиданно, запыхавшись, в шубе вбегает на сцену его приказчик и шепчет что-то Котову на ухо.

– Ну? Сейчас. Ступай отсюда!

– Да торопитесь, а то перехватят!

Кречинский сорвал сначала одну бакенбарду, потом другую и бросился, ни слова не говоря, бежать со сцены.

Оказалось, что умер один из богачей Хлудовых, и он побежал получить заказ.

Публика не обиделась: дело прежде всего!

И стали танцевать.

Но совершенно особенные картины можно было наблюдать в незадачливом детище М. В. Лентовского, в театре «Скоморох».

Театр этот назывался «народным», был основан на деньги московского купечества. Конечно, народным в настоящем смысле этого слова он не был. Чересчур высокая плата, хотя там были места от пяти копеек, а во-вторых, обилие барышников делали его малодоступным не только для народа, но и для средней публики.

Не было и подходящего репертуара, но труппа была прекрасная, и посетители валили валом.

Публика ходила в «Скоморох» самая разнообразная: чуйки, кафтаны, тулупы, ротонды, платья декольте шелковые, шерстяные, ситцевые и сарафаны.

В фойе, в буфете дым стоял от разного табаку, до махорки

включительно. В зрительном зале запах полушубка и смазанных сапог.

В «купонах» на верхотуре сидят две хорошенькие модистки.

– Ах, какой душка Лентовский! – восклицает одна.

– Да надоела ты мне с ним! Целое утро Лентовский да Лентовский, давай лучше плешивых считать!

– Давай. Один, два, три!..

– Позвольте, Софья Терентьевна, от всего моего сердца предложить вам сей апельсин, – говорит военный писарек, вынимая из заднего кармана пару апельсинов.

– Ах, какой вы, Тихон Сидорович! Вечно собьет...

– Вы чем это изволите заниматься?

– Оставьте! Двадцать два, двадцать три... – ткнула пальцем Соня чуть не в самую плешивую голову сидевшего впереди их купца.

– Эфти вы насмешки лучше оставьте-с, постарше себя не тычьте, заведите свою плешь, да и тешьтесь. А насчет чужой рассуждение не разводите-с!

– Позвольте-с, – авторитетно заявляет писарь, поправляя капуль, – это-с, собственно, не касательно вашей плешу, а одна профанация насчет приятного препровождения времени.

– А тебя не спрашивают, не к тебе речь. Погоди, и твой капуль-то вылезет. Вот у меня Филька – приказчик есть. То же капулем чесался. Придет к паликмахтеру, да и говорит:

остриги меня, чтобы при хозяйине по-русски, а без хозяина а-ля капуль выходило...

– Семьдесят два, семьдесят три, семьдесят четыре, семьдесят пять...

– А вы знаете, Софья Терентьевна, песенку про плешивых-с? – Семьдесят девять... восемьдесят...

– Мы плешивых песенок не знаем. Впрочем, спойте.

– Извольте-с.

Плешь к плешу приходила,

Плешь плеш говорила:

Ты плешь, я плешь,

На плешь капнешь,

Плешь обваришь,

Что заговоришь...

– Не ожидала от вас таких глупостей, Тихон Сидорович, не ожидала-с...

– Что с дурака взять? – замечает плешивый купец.

– Сам дурак.

– Ну ты сам дурак и выходишь!

– То есть какое вы имеете полное право ругаться?

– Еще бьют дураков-то, да и плакать не велят.

– Восемьдесят один, восемьдесят два... восемьдесят три...

– Сиволапый мужик...

– Барин с Хитрова! Жулье!

– Кто? Я жулье?

– Известно, ты.

– Кто, я? Жулье?

– Жулье...

– Жулье? Господин околоточный, господин околоточный... Пожалте-с!

Околоточный грозит от входа пальцем. Поднимается занавес. В театре крики:

– Тише! Тише!

Слышится тихий шепот:

– Восемьдесят девять, девяносто, девяносто один...